

УДК 070.1

Н. В. Куксанова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nvkuksanova@mail.ru

ГОСУДАРСТВО И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ Р. А. ФАДЕЕВА

В статье анализируются публицистические тексты Р. А. Фадеева, русского генерала, общественного деятеля и писателя. Выявляются социальные ценности и средства, предлагаемые автором для модернизации России по пути Великих реформ, начатых Александром II.

Ключевые слова: публицистика, государство, общество, общественное мнение, общественная сфера, культурный слой, русское дворянство.

Общественные идеалы не выдумываются...

Ю. Ф. Самарин

Исторический взгляд на функционирование газетно-журнальных текстов традиционно начинается с анализа эпох и отдельных произведений, с выявления замысла автора, интенций, воплощающих его социальные ценности и идеалы. Политические, философские, эстетические идеалы обуславливают выбор жанровых форм, средств аргументации и способы воплощения идеи в тексте. Смысл публицистического текста, конечно же, нельзя сводить к «агитации», но без убеждения теряется типологическое ядро данного целого. Позиция автора-публициста в газете или журнале выражается, как правило, явно. Факт реальной жизни всегда находится в центре системы аргументов, образов и размышлений, а условность и образность не являются центральными признаками целого. Публицистический текст – это текст «околохудожественный», иногда сугубо художественный, но к текстам выбранного нами автора это не относится.

Знакомство с публицистической прозой Ростислава Андреевича Фадеева предположительно заставляет отнести ее к публицистике социально-философской направленности, для которой характерны масштабность

размышлений о судьбах национальных культур и всей европейской цивилизации, выступающей в качестве плацдарма мирового опыта. В его прозе практически нет изображений индивидуальных образов и социальных типов своего времени, но имеется анализ исторического опыта, характерные социальные черты русского и европейских народов. Общественные группы и сословия для него равновеликие категории. Фадеев в гораздо большей мере озабочен логикой изложения, нежели красотой слова. Убеждение смыслом, но не эмоциями – вот цель его повествования. Более того, эмоции он старается исключить, стремясь сохранить объективность. Но сдержанные эмоции с оттенком негодования все-таки прорываются на страницы его повествования. Особенно заметно негодование, когда он интерпретирует позиции левых сил в общественной жизни России.

Ростислав Андреевич Фадеев стал публицистом и генералом после Кавказской войны. Начал он долгую дорогу на этой войне в 1850 г. в качестве волонтера и дослужился в 1858 г. до офицера «для особых поручений» при главнокомандующем Кав-

казской армии князе А. И. Барятинском, стал близким сотрудником начальника штаба Д. А. Милютин¹.

Первые литературные опыты опубликовал в газете «Кавказ». Вскоре он становится чем-то вроде пресс-секретаря Кавказской армии. Именно Р. Фадеев настоял в 1859 г. на штурме последнего оплота Шамиля, аула Гуниба, и принял в нем непосредственное участие. Барятинский подарил ему личное знамя имама после капитуляции Шамиля, и он же поручил написать полковнику Фадееву официальную историю Кавказской войны. В 1860 г. Фадеев издал книгу «Шестидесят лет Кавказской войны». За эту книгу в том же году был избран членом Русского географического общества.

В 1864–1869 гг. он печатается в «Московских ведомостях» с «Письмами с Кавказа». Письма были написаны по поручению нового наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича. При нем Фадеев несколько лет выполнял особые поручения. В 1869 г., будучи в министерстве внутренних дел в «Биржевых ведомостях», он изложил свою программу решения восточного вопроса. Затем эту серию статей издали отдельной книгой «Мнение о восточном вопросе». В статьях использовал методику геополитического анализа Милютин. Е. Морозов и С. Сергеев считают, что подобный анализ уже осуществлялся в служебных документах в Генштабе русской армии [2003. С. 8]. Особенность анализа, проведенного Фадеевым, по их мнению, заключается в том, что он впервые был проведен частным лицом и не в интересах государственных структур, а в интересах славянского движения, душой которого стал Р. Фадеев. «Мнение о восточном вопросе» вызвало интерес не только в России, но было переведено на английский, болгарский и чешский языки. В этих статьях проявилась публицистическая и политическая активность Фадеева. Военный министр Д. Милютин называл его «авантюристом и пройдохой». Панславизм Фадеева мешал А. М. Горчакову выстраивать русско-австрийские отношения. Даже Александр II выражал свое недоумение по поводу «писаний» Фадеева. После увольнения с военной службы в 1873 г. он выпускает антимилютинскую книгу «Наш военный

вопрос», составленную из газетных и журнальных статей.

В 1872 г. Р. Фадеев начинает сотрудничать с газетой «Русский мир», редактором-издателем которой был отставной полковник В. В. Комаров. Газета выступала как оппозиционный орган Военному министерству. В ней он печатает ряд статей о внутреннем положении России. Статьи публиковались в «Русском мире» с марта по июнь 1874 г., а в октябре того же года они вышли отдельным изданием под названием «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» [Христофоров, 2002. С. 294; Кузнецов, 1998. С. 60]. Книга произвела сенсацию. На нее откликнулись такие столпы русской общественной мысли, как Ю. Ф. Самарин, К. Д. Кавелин, А. И. Кошелев, журналы «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Гражданин», газеты «Неделя», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости». Написали отзывы на нее В. П. Мещерский и А. С. Суворин. Читал книгу Ф. М. Достоевский. Ю. Ф. Самарин назвал программу «революционным консерватизмом», Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» вывел его как «странствующего полководца». Современный историк И. А. Христофоров считает Р. А. Фадеева несомненно талантливым писателем и оригинальным мыслителем, и именно эти качества выделяли его среди «аристократической» оппозиции проводимым реформам в 1860–1870-е гг. XIX в.

Публицистические тексты Р. А. Фадеева свидетельствуют о том, что позиция автора не ограничивалась только политической консервативной оппозицией проводимым реформам, но в ней содержались обширные размышления о возможном общественном консенсусе и путях формирования гражданского общества в России. Последний термин используется в авторском тексте. Уже после выхода книги, представляя ее Ю. Ф. Самарину, Р. А. Фадеев писал: «...перед русскими глазами встает неотложный вопрос: возможно ли нам существовать далее исключительно в виде государства, ничего более как государства, без малейшего признака совокупного и самостоятельного общества» [2003б. С. 611].

Предметом нашего анализа стали социальные ценности и средства, предлагаемые Р. А. Фадеевым с целью дальнейшей модернизации России. Обращение к его публицистическим текстам способствует углублению научного знания об оттенках, нюансах, различных уровнях единой консервативной

¹ Подробное исследование его военной карьеры и взглядов на военное строительство русской армии представлено в работе О. В. Кузнецова «Р. А. Фадеев: генерал и публицист» (Волгоград, 1998).

концепции, формировавшейся на протяжении всего XIX в. Важно выявить набор риторических инструментов, язык убеждения и пропаганды, используемый консервативной публицистикой.

По сути дела, в своем цикле статей Фадеев выступает не столько писателем, сколько философствующим интуитивным социологом. Основные идеи статей Фадеева, разделенные в книге на шесть глав, достаточно просты и ясно изложены. Для него важно логическое построение текста, подтверждение своих наблюдений и размышлений над историческим опытом европейской и российской истории в государственном строительстве, формировании общественной мысли и общественных связей, воспитании человека.

Более чем через десять лет после начала Великих реформ, 150-летие которых отмечается общественностью современной России, он показал болевые точки пореформенной России и предложил направление и средства их лечения. Фадеев был одним из тех патриотов, которые считали, что Россия и после петровских реформ, пойдя по пути вестернизации, автономна, а иногда и противоположна Европе и вполне конкретно и пространно интерпретировал эту идею. Так же как и славянофилам, путь Европы представлялся ему проблематичным для копирования его в России. Особенно это касалось парламентаризма и формирования третьего сословия как основных инструментов построения гражданского общества.

Подчеркивая специфику России, он неоднократно постулировал мысль, что исторически страна не готова к активной легитимной политической деятельности: «На нашу почву история не бросила семян парламентаризма в его европейском и американском виде – в смысле партий, действующих от своего лица и побеждающих одна другую временным привлечением большинства культурного слоя на свою сторону. Для такого рода деятельности у нас нет никакой закваски, не только в русском обществе, но даже в русской личности» [Фадеев, 2003а. С. 602].

Исходной посылкой для Фадеева была мысль, что «воспитательный (петербургский) период» в русской истории, длившийся от петровских времен до Великих реформ, т. е. полтора века, породил «культурное сословие русских европейцев», но лишил его политической самостоятельности. Единственной организованной силой в русской жизни было государство, а важ-

нейшим средством взаимодействия власти и общества – бюрократическая опека. Итогом такого полуторавекового развития стало то, что «современная Россия – есть лишь государство, как самодеятельное общество она не существует, русское общество лишено внутренней организации, оно пока – “бесформенный студень”» [Морозов, Сергеев, 2003. С. 30]. Государство он рассматривает как сферу юридических, политических и гражданских отношений. Автор на протяжении всего текста увлечен историческим анализом и сравнением государственных и общественных структур России, европейских стран и США.

Свидетельством динамичного развития социального мышления в русском интеллектуальном сообществе являются размышления Фадеева о современном обществе. Он пишет об общественной жизни как о самостоятельной сфере, используя такие категории, как «общественная сфера», «общественный быт», существующие без «готовой правительственной склейки», но проникнутые государственными интересами. Обществу для развития, по его мнению, нужна «гражданская деятельность», которая в свою очередь формируется из «самостоятельной и сознательной народной жизни». Сознательную же народную жизнь могло организовать «только образованное общество, проникнутое государственными и общественными преданиями исторической России» [Фадеев, 2003а. С. 520]. Только образованное и культурное дворянство может дать, по мысли Фадеева, правильное развитие местному самоуправлению и вести его самостоятельно, пользуясь полным доверием правительства.

В качестве гаранта самостоятельного гражданского общества он предполагал, как и все российские консерваторы, неограниченную самодержавную монархию: «Самодержавие все же есть только принцип, как народовластие в республике, принцип, способный облекаться в самые разнообразные формы в приложении к делу, в управлении государством и областями, как достаточно доказано нашей собственной историей» [Фадеев, 2003а. С. 446]. Самодержавие необходимо не только как политический инструмент, но и для поддержания религиозных убеждений: «Наш народ верит не столько в отвлеченный принцип, как в освященный род» [Там же].

Суть современной российской социально-политической проблемы заключалась в том, что сложившаяся исторически неогра-

ниченная монархия может обеспечить только стабильное настоящее и ближайшее будущее в управлении модернизирующимся государством. Но для обеспечения устойчивого динамического развития пореформенной России необходимо плодотворное сотрудничество между монархией и народом. Для того чтобы управлять на перспективу, нужно понимать хотя бы в общих чертах состояние большинства народа. Для того чтобы быть услышанным, общество должно проявиться и консолидированно заявить о себе.

Задачу современности он видит в том, чтобы частные люди сложились в общество, которое бы опиралось на историческую традицию и современные убеждения. Источником формирования общества может быть только народ, состоящий, по его мнению, в России из двух социальных групп. У Фадеева русский народ делится в реальности только на два сословия – на господ и на простолюдинов, т. е. на людей, ставших и вновь становящихся образованными европейцами, и на людей, «представляющих почти допотопный человеческий быт» [Там же. С. 445].

В России явно нет сложившегося общественного мнения и органов, его проводящих. Общественное мнение заменяет «народное чувство»: «И наша робость, и наша смелость не сознательны» [Там же. С. 448]. Причины подобной ситуации для Фадеева заключаются в том, что народ даровит, но он слишком долго во время петербургского периода находился в положении ученика, от которого требовали прилежания и послушания, но не мнения. А новый культурный слой, порожденный петровскими реформами, создавался слишком быстро и в отрыве от национальной почвы. В результате образованное дворянство не получило широкого воспитания гражданской самостоятельности, понимания важности широкого самоуправления в государстве. Теперь же «час настал».

Для организации общества нужна достаточная нравственная сила, и она должна проявиться в общественном мнении. Это делает неотложным формирование общественного мнения. Общественное мнение у Фадеева выступает в качестве связующего инструмента между группами и сословиями русского общества. Главная проблема современной России – отсутствие общественного мнения и общественных органов, способных артикулировать его весомо и зримо. Фадеев признает общественную значимость

сформировавшейся периодической печати, но видит в ней лишь разброд мнений и идей. Анализ, вернее размышления о журналистике, он начинает с анализа литературы. Это говорит о том, что журналистика еще не представлялась ему самостоятельной сферой, а выступала как часть литературы. Фадеев отмечает усиление зависимости книг, журнальных статей, периодических изданий от общественных настроений. Но они не входят «в народное сознание». Печать угощает публику «уличной философией и политикой» [Там же. С. 449].

Публицист считает, что в начале 60-х гг. периодическая печать оказывала несомненное влияние на общество, но итог влияния оказался ничтожным из-за засилья радикальных писателей и публицистов в ней, разделяющих идеи нигилизма. Нигилизм для него в России был неизбежным явлением «и должен был пробиться с первым проблеском свободы слова» [Там же. С. 467]. Неизбежность нигилизма он выводит из неразвитости русского национального самосознания. По мнению Фадеева, и здесь он полностью солидарен со славянофилами, Россия в новое время не жила самостоятельной интеллектуальной жизнью, а бессознательно примеряла «все европейские идеалы». В процессе примерки европейских идеалов часть русского общества не могла не пойти за крупным общественным явлением: революционным отрицанием. Считает, что на Западе мода на него уже прошла. Русский нигилизм для него только карикатурное отражение западной революционности.

Нигилизму он противопоставляет культурные слои – русское дворянство, которые у него выступают как стабильная социальная сила. Культурные слои достаточно воспитаны историческим опытом, и это воспитание позволяет им отличать возможное от невозможного. Автор считает, что отдельные личности могут увлекаться фантазиями, но сословия никогда. Как и все либералы, Фадеев выступает сторонником эволюционного развития. Революция для него баснословный переворот. Выступая противником европейского подражательства, он весьма подробно анализирует новую историю европейских стран, для доказательства особенности исторического пути России. Революции в Западной Европе он, следуя историческим воззрениям М. П. Погодина, выводит из раздора сословий. Причины раздора его не интересуют. Р. А. Фадеев считает, что западные страны сумели сохранить

свое национальное будущее, даже сумели обеспечить социальное развитие рабочих, потому что их культурные слои оказались устойчивыми в противоборстве с беднейшими слоями общества.

О формирующейся российской журналистике он судит с позиций человека эпохи Просвещения, когда пресса настойчиво расширяла горизонты нового постижения знаний, в частности касающиеся усовершенствования общества и человека. Журналистика, так же как и литература, по его мнению, должна нести народу идеи и убеждения. Но в начале 1870-х гг. влияние прессы остается совершенно бесплодным для развития общественного мнения русских общностей. Особенно наглядно это проявляется в газетной печати, наиболее привлекающей читателя среднего уровня. Фадеев упрекает газетную печать за то, что она не просвещает, а развлекает публику. Газета, по его утверждению, «исключительно живет фельетоном, обращенным в потеху для публики, принявшем все свойства старинного помещичьего увеселения с шутами и скомоорохами» [Фадеев, 2003а. С. 450].

Общественно-политические журналы «издаются для гимназистов», а серьезные газеты не ориентированы на адресную аудиторию, и потому «читатели ищут в них шуток, телеграмм, известий из областей, городской хроники, иногда останавливаются на случайном слове кого-нибудь из читателей же, решившегося высказаться, – и только» [Там же]. В этом пассаже Фадеев фактически перечислил жанры, утвердившиеся в массовой журналистике того времени. Но для него распространение информационно-развлекательных материалов – недостаток, а не достоинство.

Главными слабостями периодической печати своего времени он считал то, что периодика не выражает «сборных интересов». В русской печати превалируют общечеловеческие принципы, а не положительное национальное дело. Печать выражает саму себя как некоторую корпорацию. В редакциях полно даровитых людей, но у них нет серьезного общественного дела, а есть осколки фраз и слов, надерганных наудачу из циркулирующих иностранных идей. Констатировал, что власть более серьезно относится к влиянию прессы, чем общество, которое и должно быть ее судьей. В самом обществе, которое переживает сложный переходный период от крепостнического состояния к обществу свободных людей, преобладает разброд в смыслах и ценностях.

В русской мысли от бывших славянофилов до крайних нигилистов нет ни одной точки, «в которой можно было бы предполагать будущий центр тяготения нашей национальной мысли, направление будущего большинства» [Там же. С. 451].

Этот необоснованный перенос обрывков европейской гуманитарной мысли и готовых выводов на неподходящие для них предметы довел русскую общественность до хаоса. Публицист считает, что молодежь выступает против традиций и переходит к ниспровержению государства, народности, собственности, суда и образованных классов. Она собирается освободить русский народ от существующих общественных форм, а потом ему самому решать, чего он хочет.

Особую печаль публициста вызывает то обстоятельство, что большинство людей, призванных творить общественное мнение, не понимают, что в России иное содержание взятых у запада категорий: «...русская верховная власть стоит на совсем других основаниях, чем феодальная европейская монархия; что русское дворянство не имеет ничего общего с дворянством западным ни по происхождению, ни по отношению к народу и представляет совсем иную функцию общественной жизни; что применение к нам европейских понятий о среднем сословии составляет бессмыслицу...» [Там же. С. 452].

Для усиления своей мысли о неоднородности русского общества и неготовности простого народа к масштабному управлению он в очередной раз убеждает читателя, что в России есть «два пласта людей»: «пласт, созревший исторически» и простой народ. Наш народ привык управляться миром только в хозяйственном отношении, делить общинную землю и подати, а полицейское самоуправление на швейцарский лад ему неведомо...» [Фадеев, 2003а]. Православное духовенство Фадеев считал общественным, а не политическим сословием. Утопично он полагал, что в России нет черни, нищих люмпенизированных групп, а есть только оседлый народ, понимая под оседлостью связь большинства населения с родной деревней. Нет тотально острого противостояния между простым народом и высшим образованным сословием, т. е. дворянством. Именно эти обстоятельства, по его мнению, способны уберечь Россию от насильственного противоборства сословий, как это случилось в европейских странах.

Фадеев с прискорбием сообщает, что «умственный хаос», царящий в литературе и журналистике, превращается в хронический русский недуг и вредит формированию «стройной общественной жизни» [Фадеев, 2003а. С. 453]. Руководить процессом создания «стройной общественной жизни» должны культурно образованные слои, а именно дворянство, которое в результате серьезной управленческой деятельности соединится с народом и народным духом. Этого будет достаточно, чтобы коренной русский дух возродился вновь в новом свободном обществе. В России явятся тогда и общественное мнение, и общественная деятельность. Деятельность по строительству нового общества должна включать стремление к широчайшему самоуправлению, к свободе слова и совести, к независимой неполитизированной церкви, к народному суду, к свободной науке.

И одними из первых в русской общественной мысли, по мнению Фадеева, эти направления деятельности и социальные идеалы указали славянофилы, несправедливо зачисленные современниками в консерваторы. Сам он их причисляет к либералам-утопистам за глубокую веру в духовную мощь русского народа и стремление к осуществлению больших социальных проектов без помощи власти и права.

Собственный социальный рецепт Р. А. Фадеева сводится к тому, что модернизация России должна проводиться под руководством верховной власти, уже показавшей свой национальный реформаторский потенциал, и культурного сословия «русских европейцев», т. е. дворянства в совместной

с народом деятельности в местном самоуправлении и обсуждении общенациональных проблем в совещательном органе при монархе. В определенной мере он следовал уже состоявшейся инициативе. В период подготовки отмены крепостного права русская высшая бюрократия выдвигала идею «благожелательной гласности». Более чем через десять лет после крестьянской реформы, в период коренной ломки русского традиционного общества, Р. А. Фадеев объявляет в качестве жизненной необходимости переход «к благожелательной общественной организации, соответствующей нашему коренному складу» [Там же. С. 608]. По сути дела, он предложил идею возрождения русского дворянства как «культурного слоя», обеспечивающего эволюционный переход к гражданскому обществу.

Список литературы

Фадеев Р. А. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?) // Кавказская война. М., 2003а. С. 444–610.

Фадеев Р. А. Письма Ю. Ф. Самарину // Кавказская война. М., 2003б. С. 611–618.

Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

Морозов Е., Сергеев С. Опоздавший Потемкин // Фадеев Р. А. Кавказская война. М., 2003.

Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002.

Материал поступил в редколлегию 14.03.2011

N. V. Kuksanova

STATE AND RUSSIAN SOCIETY IN THE JOURNALISM OF R. A. FADEEV

The article analyzes journalistic texts of R. A. Fadeev, a Russian general, a public figure and a writer. Social values and means suggested by the author with the view of modernizing Russia along the course of the Great reforms reform, begun by Alexander II.

Keywords: journalism, state, society, public opinion, public sphere, cultural layer, Russian nobility.